

О праздновании „Дня Русской Культуры“ в 1926 году.

Мысль о „Дне Русской Культуры“, приуроченном ко дню рождения Пушкина (8 июня по н. ст.), была воспринята и осуществлена в большинстве стран разрозненных русских людей эмиграции. Почти вся зарубежная русская пресса всякого политического оттенка отнеслась сочувственно к этой мысли и содействовала ей удушливой и популярной формой, в которой вылилось в этот день здоровое национальное чувство, отличаются разнообразием проявления творческого духа. В это дело вложено много мысли, одухотворенной энергии, проникновенного чувства, порой энтузиазма.

Но получившаяся свѣдѣнія „Дня Русской Культуры“ празднования в 13 странах. Сводка этих свѣдѣний будет напечатана в „Биолетене“ Педагогического Бюро и найдется в архивах „Биолетена“.

Идея празднования „Дня Русской Культуры“ была предложена в 1925 году в Петербурге. Статьи, посвященные содержанию произведений, программы и фотографические снимки просить присылать для составления своего отчета в Педагогическое Бюро (Prana 1, ulice Karoliny Světlé č. 21). Ниженодвинская организация вновь упомянутого Педагогического Бюро сосредоточила у себя переписку и делопроизводство по этому направлению.

Правление Союза Русских Академических Организаций Заграницей. Объединение Русских Учительских Организаций Заграницей. Объединение Русских Эмигрантских Студенческих Организаций (О.Р.Э.С.О.). Российский Земско-Городской Комитет Помощи Русским Гражданам Заграницей (Парижский „Земгорь“).

Педагогическое Бюро по делам средней и высшей русской школы заграницей.

Эти заметки — дань гению великого Пушкина в день его рождения. Они же — попытка познакомить вас с некоторыми мыслями лучших представителей российской интеллигенции начала века, которым не нашлось места в большевистской России и которые были либо выброшены за пределы своей Отчизны, либо уничтожены. На долгие десятилетия их имена были вымараны у нас из истории.

А между тем, как писал в своих «Мыслях о России» в 1926 году в парижском журнале «Современные записки» известный историк и публицист Федор Степун: «...в эмиграции работают многие крупные русские писатели и поэты, блюдя память о добре и правде, то есть о вечности в старой России, чистоту и мелос русского языка. В эмиграции додумывает свои думы изгнанная из советской России русская философия, инстинсивно работает религиоз-

ная и богословская мысль». Он, как и многие его единомышленники, считал тогда, что эмиграции нужно выполнить свою главную задачу — подготовить духовную встречу старой русской культуры с творческой жизнью на территории СССР, что, «безусловно, решающим образом повлияет на судьбы России». Как же долго пришлось ждать исполнения его предсказаний! Федор Степун оказался особенно точен в том, что

НАШ АРХИВ

«настоящий творческий революционный процесс в России начнется тогда, когда честный и горячий комсомолец внезапно поймет, до чего большевики изуродовали и обокрали его душу».

Причем же тут Пушкин и русская эмиграция? — спросите вы.

А началось все с того, что в 1920 году в петроградском Доме писателей возникла мысль ежегодно проводить всероссийские торжества, посвященные памяти А. С. Пушкина. Тогда же был создан оргкомитет, в который вошли А. Блок, Н. Гумилев, А. Ахматова, М. Кузьмин, В. Ходасевич и другие.

Но, к сожалению, только в 1925 году по призыву теперь уже зарубежных русских объединений, прежде всего эмигрантских союзов учителей, педагогов и студентов, удалось осуществить эту идею. В июне 1925 года во многих европейских странах, куда забросила их судьба, русские люди обратились к Пушкину.

Я хочу познакомить вас с тем, как пушкинский день, который называли «Днем русской культуры», отмечали в Чехословакии; воскресить имена тех, кто много усилий приложил к его организации в нелегких условиях эмиграции. У них было мало средств, ведь их никто не финансировал, но во имя доброго и святого дела они нашли в себе силы от многого отказаться ради памяти Пушкина.

В Москве в Госархиве

Российской Федерации хранятся документы известного Пражского зарубежного русского архива, долгие годы собиравшегося эмиграцией, а после войны переданного СССР. Мне представилась возможность познакомиться с некоторыми материалами этого уникального собрания.

Здесь собраны горы исповедий и море невидимых миру слез русских людей, вынужденных оставить, как им казалось, ненадолго, свою землю.

Здесь же мне показали некогда у нас не публиковавшиеся документы о праздновании в Чехословакии Пушкинского дня. Итак, в марте 1925 года из Праги было направлено обращение «К русским людям за рубежом».

В нем говорилось: «...несколько миллионов русских людей вынуждены жить за пределами нынешней России. Они распылены почти по всем государствам земного шара. И даже там, где они находятся в большом числе, они большею частью не имеют между собой живой связи и объединяющих культурных задач. Значительная часть их поглощена целиком заботами о хлебе насущном и не уделяет достаточного внимания потребностям духа». «Если подобное положение вещей затянется, — подчеркивалось в обращении, — то немалому числу этих русских грозит утрата живого чувства Родины».

В середине мая создается правление Комитета по проведению дня. Председателем его избирается известная об-

щественная деятельница и меценатка графиня С. В. Панина, вице-председателем В. В. Булгаков, бывший секретарь Л. Н. Толстого, и канцелярем князь П. Д. Долгоруков.

И вот в июне 1925 года празднуется первый «День русской культуры», посвященный А. С. Пушкину. В специальном, выпущенном ко «Дню» издании князь П. Д. Долгоруков обращается к читателям: «...в День русской культуры надо пойти навстречу тем, у кого чувство Родины тускнеет, помочь вновь пережить забытое, воспринять перед ними дорогие воспоминания, знакомые образы, родные созвучия. А ту молодежь, которая не знает нормальной России, следует познакомиться с ее характерными чертами, ввести хотя бы на время в родную атмосферу, заразить своими чувствами и переживаниями».

Здесь же своими мыслями о задачах и роли русской эмиграции делится известный историк А. А. Кизеветтер и А. В. Флоровский, писатель Вас. Немирович-Данченко, старший брат одного из создателей Московского Художественного театра. А писатель Евгений Чириков замечает: «...русская эмиграция, унесшая с собою огромное большинство русской творческой интеллигенции, сослужит великую службу своей обновленной Родине. Она — как Ноев Ковчег во время потопа!».

Стихотворением «Москва» откликнулась Марина Цветаева:

Когда рыжеволосый
Самозванец
Тебя схватил, ты не
согнула плеч.
Где спесь твоя,
княжинушка? Румянец,
Красавица? Разумница,
где речь?
Как Петр-Царь, презрев
закон сыновний,
Позарился на голову
твою,
Боярыней Морозовой на
дровнях
Ты отвечала русскому
царю.
Не позабыли огненного
пойла
Буанопарта хладные уста,
Не в первый раз в твоих
соборах — стояла,
Все вынесут кремлевские
бока!

В программе «Дня» были лекции о Москве, о Московском университете, о великанах русского театра, о Петре Великом и Пушкине. Обсуждалась красота русского языка, его связь с русским характером. Звучала музыка Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского.

Графиня С. В. Панина в своем выступлении говорила: «...хотим ли мы знать русский язык — мы открываем Пушкина; любим ли мы русскую деревню, русскую природу, русскую сказку — мы читаем Пушкина; изучаем ли мы историю России и ее быт — мы беремся за Пушкина; хотим ли мы, наконец, знать, как следует писать письма — мы опять идем к Пушкину».

Дни с переменным успехом продолжались до 1941 года. В 1937-м, в год столетия

Культура. - 1993. - 5 июня. - с. 10

СЛОВО МОЕ—

Культура. - 1993. - 5 июня. - с. 11

О ПУШКИНЕ

со дня гибели поэта, в Праге с основным докладом выступил живший в Париже писатель И. С. Шмелев.

В фондах упомянутого мной архива хранится оригинал его большой статьи или, может быть, доклада — «Заветная встреча. Пушкин 1837—1937».

Около двух десятков страниц на машинке, выправленные автором — потрясающим стилистом, понимающим смысл, стоящий за каждым словом, за каждым знаком препинания, и самое главное — влюбленным в свой родной язык и его Гения — Пушкина.

Пусть сегодня русскому читателю вернутся мысли, фразы, слова некогда опального и отторгнутого от своего народа писателя Ивана Шмелева, которые являют собой пример высокой российской литературы.

«Слово мое — о Пушкине. Но нельзя говорить о Пушкине, не коснувшись культуры нашей. Русская культура — вопрос огромного содержания, я коснусь лишь ее истока и сущности, и буду говорить от чувства и образа, как привык. Каждый год мы празднуем «День русской культуры», и выразителем его сущности признаем Пушкина. В этом году «День» этот сугубо пушкинский. Но праздник ли он, без Родины? В глазах народов, среди которых живем, какие мы празднователи? Нам не скажут, а иные, пожалуй, думают: «празднуют свою культуру... ушли из этой страны, скоро уж четверть века, — что же это за культура, если

бродят по свету, как «мировые обшмыги», — сказал кто-то из их писателей».

Мы ответим: «Не празднуем мы, а утверждаем в себе образ культуры нашей, свет в бездорожье нашем, как «царство Божие», которое внутри нас есть. Приносим в ветрах святой огонь, вверенный нам от колыбели и каемся. В чем каемся. Во всем, что произошло: в ошибках, в преступлениях, в том, что седем по чужим дорогам, в небрежении душой народа; каемся перед Родиной и — перед ним, кого поминаем нынче. В этом — смысл «Дня культуры» и особенно — нынешнего «Дня»».

...Достоевский сказал: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собой в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем». И еще: Пушкин мог бы еще создать бессмертные и великие образы души русской и через них сделать нас более понятными для «европейских братьев»: они перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, и между нами было бы, может быть, менее недоумения и споров... Так ли это? Мы знаем, что «европейским братьям» не до понимания нас, национальные эгоизмы ныне острее, чем полвека тому назад. А вот «недоумения и споры» между нами... Тут Пушкин может помочь: в нем все, чтобы нам научиться ценить то главное, без чего мы — не мы: родное наше, Россию нашу. На любви к ней объединиться. Много Пушкин унес

с собой, но много и оставил, чтобы могли мы кончить все наши споры».

«Тайны» Пушкин не уносил с собой: он ее нам оставил, собой оставил. Может быть, для страшного лихолетья русского и была предугазана чудесная эта тайна — Пушкин. И эта «вековая» с ним встреча — не знамение ли нам?

Пушкин — все наше бытие, родное наше, самостоянье наше. Пушкин — Россия наша, от первого глагола Летописца до последнего слова прерванной Истории Российской.

Пушкин — не гениальная случайность литературы русской, а явление чрезвычайное, пророческое. Он как бы предугазан нам, показать на какие высоты может подняться русский гений — он знамение нашей духовной сущности...»

Изгнанники верили в свою Россию, верили, что их голос, слово достучатся до русских сердец и останутся в памяти потомков. И если вы нашли в этих заметках нечто такое, что дорого и понятно вам сегодня, в наши лихолетние дни, я буду считать, что исполнил завет «пражских русских» передать всем: «...нам дорога Россия не воображаемая, не утопическая, а такая, как она есть, со всем ее прошлым, с ее грехами, как дорог нам любимый и близкий человек со всеми его качествами и недостатками».

Юрий ШУГРИН.

● Факсимиле плаката-обращения к соотечественникам-изгнанникам.